

ЗИНАИДА ГИППИУС

МОЯ ПЕРВАЯ
ЛЮБОВЬ

Зинаида Николаевна Гиппиус
Моя первая любовь
Серия «Мемуары Мартынова», книга 1

Аннотация

«...Зачем выдумывать? Невыдуманное, настоящее, только на первый взгляд кажется бледнее выдумки, да и то не всегда. А уж если поглубже посмотреть, так всякому станет ясно, что наши надстройки над жизнью весьма бесполезны...»

Содержание

I	4
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Зинаида Гиппиус

Моя первая любовь

I

...Зачем выдумывать? Невыдуманное, настоящее, только на первый взгляд кажется бледнее выдумки, да и то не всегда. А уж если поглубже посмотреть, так всякому станет ясно, что наши надстройки над жизнью весьма бесполезны.

Моя первая любовь... Впрочем, она первая лишь потому, что первая *сознательная*; если же придерживаться формального счета, то она вторая, а самая первая – в Саратове: это черноволосая молодая гостья с бархаткой на шее. Я ее помню, как вчера, а было мне тогда четыре года. Но в четыре или сорок четыре года – влюбленность одна, и ее ни с чем не спутаешь: она дает два огромных и неразрывно связанных ощущения – *блаженства* и *тайны*. Это, конечно, лишь основа; но в моей предпервой любви, в четыре года, ничего осложняющего любовь быть и не могло; зато «блаженство и тайна» овладели мною повелительно. Насчет «тайны» у меня до такой степени не было сомнений, что как раз это-то и предуготовало любви роковой исход.

Взрослые поразительно ничего не знают о детях. Забывают, что ли? Самая любящая мать, помимо всего прочего, не

знает даже и того, что ребенок, до какого-то возраста (5, 6, иногда 7 лет; это индивидуальность), остается *не отделенным* от нее; т. е. он не делает еще различия между нею и собою, и сам не замечает, думает ли про себя; или говорит с нею. Он и она, для него, – совершенно искренно – одно. И совсем другое, – это свидетельство – всё окружающее и все окружающие. Я не могу вспомнить, например, когда и каким образом тайна моей любви стала известна маме, хотя она, очевидно, узнала ее от меня: Узнала – и ничего не поняла, т. е. самого главного: *Тайны*. Как огло мне прийти в голову сказать: «Мамочка, это великая тайна?» Если б могло, то раньше должно бы прийти в голову, что мама – другой, не я; и тайна просто не была бы открыта: ведь она такова, что *другому* ее открыть нельзя; действительно нельзя, никому, без всякого исключения.

Мама поняла, что я эту гостью очень люблю, вот и все.

Сажу как-то на стуле в гостиной, спиной к окнам, с няней. Напротив меня, за столом с бархатной скатертью мама, а рядом, на кресле – «она». И вдруг слышу, как мама говорит с ней – обо мне. Указывает на меня, улыбается: «Вот как вас ужасно любят...»

И «она» улыбается, оборачивается ко мне, спрашивает:
– Да? Ты меня любишь?

Я и теперь не могу описать всей сложности ужаса, негодования и отчаяния, меня обуявших. Что-то побежало по спине и завязалось на затылке. От блаженства не осталось и сле-

да. Вообще – все погибло. Однако мой долг был для меня ясен. «Тайну» надо спасать, хранить до конца.

И на этот бездонно-грубый вопрос:

– Ты меня любишь? (с улыбкой) – я, сдвинув брови, серьезно отвечаю:

– Нет. Не люблю. – И прибавляю, чтоб крепче было, как умею:

– Нет. Тьфу... Дрянь...

После этого ярко помню, как в мезонине, у бабушки, мама меня бранила, говорила, что так нельзя отвечать, что надо просить извинения...

– Слышишь? Слышишь?

Мое молчание ее еще больше сердило. Бабушка гладила меня по головке и примирительно повторяла, что я «больше не буду...». Буду или не буду – я молчу, да, кажется, и не слушаю, да, кажется, и не понимаю, за что сердится мама. Вероятно (так я думаю теперь), во мне впервые проснулось тогда смутное чувство моей окончательной отдельности и первого одиночества, и даже чуть-чуть презрения к непониманию «других»... всех, не исключая и той, к которой была любовь.

Любовь предпервая... Ведь все-таки несознательная. А по-настоящему первая – гораздо позже.

II

– Ты придешь.

– Не знаю. Может быть.

Я, конечно, приду. У меня дух захватило от счастья, что я могу к ней прийти. Но я отвечаю небрежно, чтобы «она» не подумала... Чего? Что я задыхаюсь от счастья? Ну, конечно. Ведь опять «тайна», это главное... Кроме того, я знаю, что «она» меня «не любит»: я уже знаю и муки ревности.

Когда это все случилось? Думал – не услежу начала. А длится... очень долго. Нет, не смейтесь; действительно долго: ведь когда мы познакомились, мне едва минуло одиннадцать лет; потом было двенадцать; и вот уже тринадцать...

Мне-то кажутся эти годы долгими лишь потому, что в тринадцать лет время бесконечно длинно: месяц – год, год – век. А вообще я ни минуты не сомневаюсь, что любовь моя на всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.